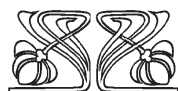
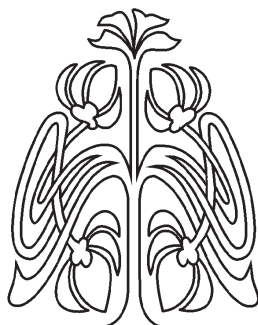
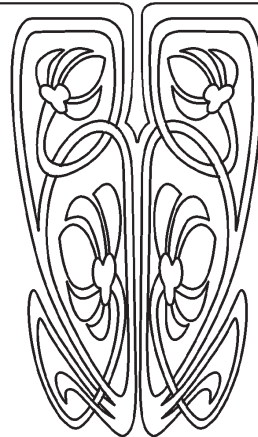

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 124–131
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 124–131
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

Научная статья
УДК 316.3

Сельская самозанятость: методические подходы к измерению и анализу

П. П. Великий¹✉, А. В. Заикин²

¹Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

²Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Заикин Андрей Вениаминович, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента организации, andreyzaikin7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4809-7553>

Аннотация. В статье представлен опыт применения теоретико-методологических средств и инструментов социологии для изучения процесса интеграции и дифференциации сельских жителей, складывающихся на базе семейного хозяйствования. Показано, что диапазон различий внутри акторов самозанятости определяется демографическим составом, производственным потенциалом подворья, ориентацией на развитие. Интеграция поддерживается сходством ценностей культуры. С позиции управленческой функции социологии изложены представления авторов о необходимости и возможности перехода субъектов семейного хозяйствования в статус формального фермерства.

Ключевые слова: семейная самозанятость, фермеры, аграрная экономика, сельское общество, смыслы, общение, семья.

Для цитирования: Великий П. П., Заикин А. В. Сельская самозанятость: методические подходы к измерению и анализу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 124–131. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Rural self-employment: Methodical approaches to measurement and analysis

P. P. Veliky¹✉, A. V. Zaikin²

¹Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

²Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Peter P. Veliky, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Andrey V. Zaikin, andreyzaikin7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4809-7553>

Abstract. The article presents the experience of applying the theoretical and methodological means and tools of sociology to study the process of integration and differentiation of rural residents, taking place on the basis of family management. It is shown that the range of differences within the actors of self-employment is determined by the demographic composition, the production potential of the farmstead, and the orientation towards development. Integration is supported by the similarity of cultural values. From the point of the managerial function of sociology, the author's ideas about the need and possibility of the transition of family business entities to the status of formal farming are presented.

Keywords: family self-employment, farmers, agrarian economy, rural community, meanings, communication, family

For citation: Veliky P. P., Zaikin A. V. Rural self-employment: Methodical approaches to measurement and analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 124–131 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В пореформенное время, растянувшееся в сельских территориях России на 30 лет, изменились состав индивидуальных и коллективных акторов хозяйствования, демографическая и социально-профессиональная структуры, производственный потенциал и отношения распределения и обмена ресурсами. Взамен относительно однородной социальной структуры и рассредоточения работников между отраслями производства и социальной сферы появилось много лакун, где состав кадров резко сократился и/или стал неустойчивым. В первую очередь это относится к специалистам-технологам – агроному, зоотехнику, инженеру (большинство фермерских хозяйств обходится без них). Во многих селах, особенно мелких и средних, стали излишними учителя, фельдшеры, работники библиотек, клубов.

Вхождение деревни в начале 1990-х гг. в социально-экономический порядок, прежде всего в организации хозяйствования, было отягощено множеством нестыковок, которые не устранены до нынешнего времени, в распределении колхозно-государственной собственности, неспособности созданных новых укладов предоставить всем нуждающимся рабочие места и безучастность к этой проблеме государства.

Исследования в Ростовской, Тамбовской, Псковской областях показало, что положение сельского жителя на рынке труда крайне нестабильно: на 9000 постоянных работников приходится более 160 000 сезонных работников¹. Таковой ситуация была в РФ на начальном этапе реформирования аграрного сектора. Ничего не изменилось в лучшую сторону и к настоящему времени. Так, фермеры средних и мелких хозяйств, как правило, вообще не имеют в штате ни механизаторов, ни специалистов на постоянной основе, обходятся сезонными работниками. В результате рабочее время с полной оплатой зачастую длится не полный год, а 9% сельчан удаётся вообще поработать 6,9 месяца в году².

Все эти перемены происходят уже в наши дни, и, как следствие, аграрный труд сельских жителей по количеству занятых стоит лишь на четвертом месте (после строительства). Онаучивание сельского хозяйства уже в настоящее

время ведет к замене работников существующего уклада: корма животным на ферме раздает робот, на поля выходят легкие механизмы, двигаясь без водителя, они освобождают всходы культурных растений от сорняков, не уплотняя почву.

Ситуация соразмерности между темпами высвобождения человека села из трудовых процессов и его социальным положением в перспективе еще больше обострится, что будет препятствовать воспроизводству жителей села. Между тем 35% людей молодежных возрастов (что особенно важно) желают остаться в деревне и работать на земле, а 14% представляют свое будущее в образе компромиссного варианта (совмещение жизнедеятельности в селе и в городе)³.

Чем они могут заняться? Как может быть организован приток ресурсов для выживания их семей?

Высказывается много предположений на этот счет: обслуживание семейного туризма, работа на малых предприятиях, которые, возможно, вынесут на сельские территории крупные предприятия городов, дистанционная работа и др.

Однако многие из этих предложений неубедительны, потому что главное, в чем нуждается сельская семья, – это устойчивость жизненных правил и отношений. К сожалению, жизнь сельских сообществ протекает в режиме динамики уязвимости к устойчивости (*vulnerability and resilience approach*), что особенно резко проявилось в условиях пандемии COVID-19.

Тема трансформации индивидуальных и коллективных акторов деревни из советского социально-экономического порядка в новый, основанный на рынке, изучалась философами, экономистами, социологами и психологами, которые рассматривали специфику переходных состояний разных областей жизни села. Среди российских ученых это Т. И. Заславская, О. В. Нечипоренко, З. И. Калугина, Ч. И. Ильдарханова, А. М. Сергиенко, В. Г. Виноградский, П. П. Великий, В. И. Староверов, О. П. Фадеева, А. А. Хагуров.

В осмыслении генезиса самозанятости и перехода ее в формальную экономику актуальны

публикации Т. Шанина, который изучал сущностные черты образа русского крестьянства и предложил методику двойного рефлексирования, использование которой группой российских социологов под его руководством позволяло понять многие процессы преемственности крестьянского опыта выживания⁴.

Научный подход к исследованию деревни Т. И. Заславской с позиции экономико-социологических измерений ценен сбалансированным рассмотрением сопряжения материальных и социокультурных элементов жизненного пространства деревни⁵.

Среди зарубежных авторов одни считают, что для оптимизации жизненного уклада села нужно опираться на внутренние ресурсы – человеческие, культурные, природные⁶. Внутренние ресурсы сплочения сельских сообществ описал в категориях «наведения мостов» Р. Патнэм⁷. Другие авторы настаивают на целесообразности комбинирования эндогенных и экзогенных воздействий: внешней торговли и инвестиций, государственной помощи⁸. Многие западные исследователи перспективы жизни людей сельской местности уже не связывают с преимущественно аграрной занятостью, а сохранение человеческого потенциала ставят в зависимость от размещения за пределами городов объектов трудовой занятости, не имеющих отношения к сельскому хозяйству⁹.

Группа семей, избранная для изучения, – это семейные хозяйства товарного типа, логика саморазвития которых – перейти из статуса предфермера в формальный фермерский уклад. Сложнее их отделить от самозанятых, манифестация статуса которых проведена государством в 2018 г. Принятый в 2018 г. Федеральный закон о самозанятости¹⁰ вызвал много вопросов у хозяев сельских подворий. Дело в том, что все каналы, используемые сельской семьей для получения благ, помимо труда в сельскохозяйственных организациях, неустойчивы, нестабильны, ненадежны во временном измерении. Занимаясь пчеловодством, собирая дикоросы или выращивая скот мясных пород на продажу, никто не может быть уверенным, что каждый репродукционный круг (года, сезона или месяца) будет идентичен предыдущему. Причисление акторов сельского семейного хозяйствования к самозанятым противоречит их реальному положению. Ведь самозанятые – это индивиды, выполняющие работы или оказывающие услуги посредством применения своих навыков и умений в результате непосредственного договора с заказчиком. Достаточная база для такого рода трудовых отношений есть в городе, на селе она почти отсутствует. Хотя отдельные члены

сельских семей могут быть репетиторами, нянями или сиделками, но это не та деятельность, которая может стать решающим делом семьи, обеспечивающим выживание.

Самостоятельно хозяйствующие сельские семьи отличаются от городских самозанятых по тесноте включенности в социальную среду. Действуя внутри сельских сообществ автономно, они, тем не менее, придерживаются этоса, который базируется на самоочевидных нравственных принципах крестьянской солидарности. Выбор степени самостоятельности хозяйствования определяется здравым смыслом. Если семья состоит из нескольких трудоспособных, то используется частичное совмещение: одни состоят в штате ООО или у фермера, другие заняты только в семейном хозяйстве. Автономность и независимость самостоятельно хозяйствующих акторов проявляется и в процессах обмена благами с внешними контрагентами, что связано со свободой выбора, многократно возросшей по сравнению с эпохой дефицита (Я. Карнаи).

Все это дало основание для уточнения понятия автономности, схватывающего смысловую специфику самозанятости, введения его как ключевого термина в название группы¹¹.

Группа внутри сельских сообществ, выделяющаяся по уровню благополучия, отсутствует в статистических источниках. Хотя удельный вес ЛПХ по критерию товарности известен, он мало что дает для определения генеральной совокупности и выборки.

Для реализации целей исследования использована и федеральная статистика, а также методика измерения, опирающаяся на принцип модального подхода к разъединению объектов по расстоянию между ними. В результате установлены рубежные величины каждого вида ресурсов (всего 43), которые у одних групп подворий были близки, у других отличались в большей или меньшей степени. С помощью экспертного подсчета величины товарности установлены сопоставимые ресурсы. Например, доход от 4 коров эквивалентен доходу от 4 и более свиней, от 20 кроликов или наличия земельного участка более 30 соток и др.¹².

Попытки социолога, появившегося в конкретном селе, выяснить у служащего поселкового муниципального образования количество товарных ЛПХ оказались безуспешными. Этот вопрос к жителям села вызвал бы недоумение. Гораздо понятнее им вопрос «Кто хорошо живет в вашей деревне?», им мы и воспользовались, добавив к нему собственные наблюдения: обустроенная усадьба, на подворье скот, птица, имеется автомобиль, другая техника. Именно

из этих акторов сформировалась группа, которая характеризует образ ее смыслов и действий. «Остальные» тоже включались в выборку, с учетом производственного потенциала подворья и занятости в сельскохозяйственных организациях.

Отбор единиц наблюдения обеих групп предполагал:

- соблюдение пропорций ведущей группы акторов, учитывая, что она составляет до 10–15% домохозяйств конкретного поселения;

- отбор сел, в которых есть предпосылки для возникновения и функционирования этой группы (в малолюдных деревнях глубинки, удаленных от городов и транспортных магистралей, их почти нет).

Отбор респондентов второй группы определялся следующей логикой:

- их число должно быть равным или несколько большим, чем в первой группе (чтобы при кодировании исключить явно нетипичных респондентов);

- недопустимо произвольное включение их в массив анкетирования; нужно учесть перспективу развития семейного хозяйства: лица, имеющие особо плотный режим профессиональной деятельности (врачи, учителя, библиотекари должны быть исключены из выборки респондентов);

- преимущество в отборе имеют семьи относительно полные, включая детей и лиц старшего поколения, в которых все или часть взрослых работают по найму у фермеров или в сельскохозяйственных организациях других укладов.

С учетом только что сказанного для опроса было взято 97 сел в Саратовской области и Республике Татарстан. Анкета включала 110 вопросов, часть из которых предназначались

для бесед с респондентами по методикам качественного исследования. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) средних и крупных сел, а также с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия – по удаленности от областного центра.

Важным моментом отработки методических подходов к иерархии внутри группы успешных хозяйев подворий является выбор индикаторов масштабирования их хозяйственной деятельности. Исследование данного аспекта прошло в два этапа.

Вначале было выдвинуто предположение, что подгруппы внутри успешных хозяйев наилучшим способом характеризуются состоянием накопленного производственного потенциала подворья, который включал: ответы о наличии предметов хозяйственного назначения, самооценку респондентов возможности их приобретения, использования ресурсов местных сельскохозяйственных организаций, товарности и др. Список состоял из 43 реально возможных благ, необходимых для успешного хозяйствования. Респондент попадал в ту или иную группу в зависимости от наличия благ, свидетельств о своей деятельности и намерениях, от наличия хозяйственных построек и технических средств, объема приобретенных ресурсов у местных крупхозов, видов и величины продаж выращенной продукции, возможности расширить семейное хозяйство и др. Сумма ответов каждого респондента выводила его на более или менее высокое место успешности¹³. Все это оценивалось как ресурс эффективности семейной экономики. Полученные суммы ответов, сгруппированные в 5-балльную шкалу, дали распределение на группы высокого и обычного производственного потенциала (табл. 1)¹⁴.

Таблица 1

Распределение ЛПХ по интегральной оценке успешности, %

Интегральный показатель потенциала ЛПХ	Группа 1, высокий потенциал	Группа 2, обычный потенциал
Наибольший потенциал	15,3	1,7
Выше среднего	22,9	9,5
Средний	28,2	19,5
Ниже среднего	20,6	30,2
Наименьший потенциал	13,0	39,1

Примечание. Наивысший потенциал и выше среднего характеризуется 5–3 баллами, остальные 2–1 баллами.

Учитывалась и общая активность по получению ресурсов: взаимодействие с местными сельскохозяйственными организациями (приобретение кормов, стройматериалов, аренда техники), непосредственная занятость и вхождение в штат одного-двух членов семьи.

Дифференциация подгрупп при таком подходе имеет довольно четкие границы (табл. 2).

Как следует из данных табл. 2, число предметных, вещественных индикаторов и поведенческих, отражающих объективные и субъективные факторы функционирования хозяйства, почти равно.

Таблица 2

Группы индикаторов хозяйствования сельских семей

Предметные, вещественные	Деятельные, поведенческие, смысловые
Характеристики хозяйства сельских подворий Наличие специализированных вспомогательных помещений Использование технических средств, профессиональных орудий труда Применение в хозяйстве современных, передовых технологий и препаратов Сбережение денежных средств на развитие хозяйства	Перспективы ведения ЛПХ Достижение ожидаемых успехов в ведении ЛПХ Динамика изменения материального положения сельских семей, ведущих ЛПХ Уровень удовлетворенности жизнью сельских семей, ведущих ЛПХ Помощь членов семьи в ведении ЛПХ Уровень продажи собственной произведенной продукции

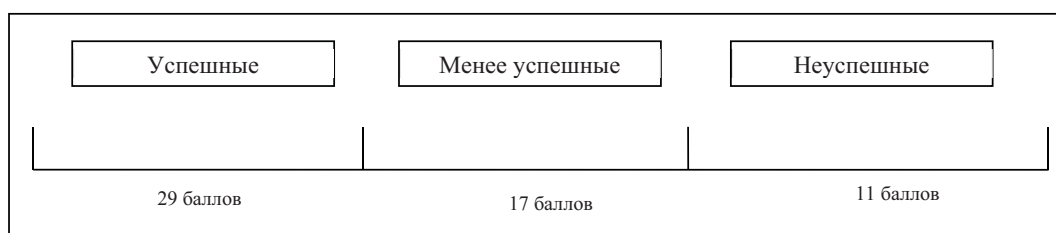
На втором этапе из числа опрошенных были выделены по 20 глав семейных хозяйств из каждого региона Московской, Омской и Саратовской областей для углубленного интервьюирования и включенного наблюдения, которые показали, что зафиксированный при первом массовом опросе уровень производственного потенциала изменился: в одних семьях повысился, в других стал ниже. Кроме того, часть семей сельских сообществ, попавших при массовом опросе в число неуспешных, демонстрировали рост производственного потенциала, соизмеримый с высшей или средней группой успешных. Это вызывало необходимость корректировки методических подходов. Структурирование группы успешных, исходя из величины производственного потенциала, взятого в статичном измерении, было недостаточным. Внутренние подгруппы оказались излишне дробными. В реальности эти группы порой меняются местами: акторы с высшим потенциалом подворья могут опуститься в низшую группу. Одновременно часть неуспешных, обычных хозяев подворий, наоборот, обладая мобильностью, становятся равными низшим группам успешных, а могут и превзойти их.

Мы не отказались от измерения набора элементов подворья и даже расширили его. Например, при первой обработке был исключен молодняк домашних животных как не достигший должной товарности и только «утилизирующий» корма.

Соответственно данной коррекции методики сделана переоценка (путем присвоения баллов) всей совокупности элементов производственно-

го потенциала и введен новый индикатор – ориентация семьи на развитие семейного хозяйства.

Сохраняя общие принципы подхода к дифференциации семейных хозяйств, высшая группа остается как категория *успешных с устойчиво развивающимся хозяйством*. Оставшиеся в сельском сообществе семьи, также ведущие личное подсобное хозяйство, идентифицировались как *менее успешные и неуспешные*. По каждому фактору сельской семье, участвовавшей в опросе, присваивались 2 или 3 балла за наличие признаков успешности хозяйствования и 1 балл при их отсутствии. Далее все баллы, полученные сельскими семьями, суммировались. В итоге получен континуум успешности и устойчивости развития хозяйства, который описывает возможное размещение сельских семей по достигнутому результатам хозяйствования при получении 29 (максимум), или 11 (минимум) баллов. В первую категорию, успешные хозяева сельских подворий с высоким потенциалом устойчивого развития, попали семьи, которые набрали от 24 до 29 баллов. Вторую категорию, менее успешных с элементами стабильности и восходящего развития, составили семьи, сумма баллов которых находилась в диапазоне от 18 до 23 баллов. В третью категорию, неуспешные, вошли сельские семьи, набравшие в сумме от 11 до 18 баллов. Зафиксированные факторы успешности носят динамический характер, поскольку семьи могут перемещаться вдоль данного континуума, демонстрируя восходящий или нисходящий тренд успешности и устойчивости развития своего хозяйства (рисунок).

Дифференциация состава сельских семей по критерию успешности

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что по критерию успешности значительная часть сельских семей, в соответствии со скорректированной методикой измерения, должна перейти в более высокую группу. Они обладают высоким потен-

циалом устойчивого развития своего хозяйства, имеют все необходимые ресурсы, о чем свидетельствуют ориентиры на приобретение предметов домашнего обихода, культуроваров, автомобилей, накопления денежных сбережений и т.п.

Таблица 3

Дифференциация состава сельских семей по критерию успешности ведения личных подсобных хозяйств в соответствии со скорректированной методикой измерения, %

Индикаторы успешности	Полностью успешные и менее успешные хозяева (по 2 или 3 балла по каждому фактору)	Неуспешные (по 1 баллу по каждому фактору)
Характеристики хозяйства сельских подворий	30,0	70,0
Использование технических средств, профессиональных орудий труда	88,2	10,9
Наличие специализированных вспомогательных помещений	93,6	5,5
Использование в хозяйстве современных, передовых технологий и препаратов	38,2	51,8
Перспективность ведения ЛПХ	43,6	52,6
Возможность сбережения денежных средств на развитие хозяйства	41,4	43,7
Достижение ожидаемых успехов в ведении ЛПХ	66,4	30,9
Уровень продажи собственной произведенной продукции	75,5	24,5
Динамика изменения материального положения сельских семей, ведущих ЛПХ	78,2	21,8
Уровень удовлетворенности жизнью сельских семей, ведущих ЛПХ	39,1	60,9
Помощь членов семьи в ведении ЛПХ	58,2	40,9

Оценивая свои материальные возможности, опрошенные посчитали, что за счет автономного хозяйствования им доступны: постройка дома (29,2%), приобретение автомобиля (27,5%), трактора и грузового автомобиля (13,8 и 10,0% соответственно), отложить сумму за год в пределах 100–150 тыс. руб. (38,5%). Еще одним свидетельством оптимистической оценки личного благополучия являются расходы опрошенных на разные события, предполагающие финансовые затраты (свадьбы, проводы в армию, юбилеи, приобретение жилья детям). Половина респондентов отметили, что от 50 до 80% от общей стоимости «мероприятия» профинансированы за счет семейного

хозяйствования. Кредитами банков пользуются 60,8% опрошенных. Откладывали сбережения, сумма которых варьировалась от 10 000 рублей до 300 000 руб., 41,4% опрошенных, половина сельских семей откладывали до 60 000 руб. в год.

Каналы поступления ресурсов для указанных выше приобретений, продажа агропродукции (табл. 4), могут служить индикаторами масштабов семейного хозяйствования и его общественной пользы. Семья, ведущая такое хозяйство, как правило, производит в 8–10 раз больше продукции, чем ей требуется для собственного потребления, остальное через рынок попадает большому числу потребителей.

Таблица 4

Распределение видов продаваемой сельхозпродукции, %

Виды продукции	Успешные и менее успешные хозяева	Неуспешные хозяева
Масло	34,4	11,8
Молоко	64,1	29,6
Сметана	48,1	15,4
Яйца	57,3	36,1
Шерсть	14,5	7,7
Шкуры	62,6	33,7
Мясо, сало	31,3	22,5
Картофель	32,1	23,1
Органические удобрения	16,0	6,5

В составе 25,7% домохозяйств выборочной совокупности один-два члена семей работают на местных сельскохозяйственных предприятиях, что повышает доступ к производственным ресурсам, необходимым для ведения личного подсобного хозяйства. Однако расчеты показывают, что если нет семейного хозяйства, то общая трудовая занятость не обеспечивает хорошего уровня жизни сельской семьи.

Достижение хозяйственных успехов обусловлено наличием в составе домохозяйств родителей-пенсионеров, но они незначительны. Основная нагрузка ложится на молодых, 30–50-летних членов семьи. Наличие детей-студентов в составе домохозяйства также является фактором роста семейных хозяйств, стимулирует активность членов семьи для получения дополнительных доходов, необходимых для финансирования образования детей и их проживания в городе. Наибольшее влияние на размер и структуру семейного хозяйства оказывает наличие в семье членов экономически активного возраста.

Методика изучения феномена смыслов жизнедеятельности должна учитывать и «нелогичность» поведения сельских семей. Иногда респондент, высказывая соображения, почему трудно удерживать достигнутый уровень потенциала хозяйства, тем не менее, не допускает возможности его уменьшения. Например, имея на подворье четыре-пять коров, он предпочитает при изменившихся условиях вообще их ликвидировать, вместо того чтобы сократить до одной-двух. И социологу, только обсуждая проблему совместно с респондентами, становится понятно: при резком уменьшении числа животных расходы на их содержание превышают доходы от них. Поэтому оценка предметной среды хозяйственной деятельности одновременно служит индикатором смысла и результата активной жизнедеятельности.

Итак, подводя итоги, скажем, что в современной социохозяйственной ситуации самозанятость и ее многие акторы, ранее фигурирующие как элементы теории социальной структуры, уже приобрели свое лицо, юридический статус и активно функционируют как в городах, так и между городом и деревней.

Группа более успешно хозяйствующих семей, чем основная масса членов сельского сообщества, хотя и обладает признаками релевантности, но у нее больше предпосылок для сохранения устойчивости.

Методология и методика изучения внутренней структуры семей, в большей или меньшей степени включенных в самостоятельное хозяйствование, позволяет полнее оценить их потенциал и перспективы.

Так, высшая группа (успешные хозяйства сельских подворий) по отдельным проявлениям четко выделяется из общей структуры современ-

ного крестьянства. Опираясь на данные эмпирического изучения, мы обнаруживаем и размытость границ формирующейся группы. Ее члены могут восходить к некоему высшему и могут возвращаться к исходному уровню.

Повторная проверка гипотез показала преимущество периодического возврата к объекту исследования, который на первый взгляд кажется статичным. В реальности хозяйственная самодетельность семьи, как и она сама, находится в динамике. На прожективный вопрос об открывшейся возможности трудоустройства на предприятие с хорошей зарплатой (40–50 тыс. руб.) отказались бы 44,3% и согласились 35,1% успешных. Среди неуспешных: отказались 24,2%, согласились 42,4%. При этом 22,0% последних сократили бы семейное хозяйство, 18,8% отказались от него совсем. Успешные больше ценят автономное хозяйствование, но и среди них доля допускающих отказ от него составляет 14,0%. Прожективные вопросы – это смысловая оценка возможных ситуаций, а не реальное поведение. Тем не менее, по ним можно судить об устойчивости/неустойчивости процесса формирования групп-доменов в структуре сельских жителей.

Методики, примененные в нашем случае, хотя и позволяют обнаружить границы между успешными, менее успешными и обычными подгруппами внутри аграрного населения, однако не дают оснований для утверждения, что мы имеем дело с реальными протогруппами новой стратификации. Отсутствие четких границ, отделяющих группу успешных хозяев от остальных, не позволяет распространить на нее критерии и признаки социальной стратификации. Вместе с тем она обладает и признаками, присущими гомогенным группам социальной структуры, таким как собственность, статус, квалификация¹⁵, что открывает ей возможность перехода в фермеры, социальную группу, имеющую организационно-правовую институализацию. Пока успешные хозяева подворий, сталкиваясь с множеством препятствий, в основном бюрократических, слабо используют эту возможность. Однако других ресурсов для воспроизводства глав фермерских хозяйств в деревне нет. Фермеры стареют (более половины из них старше 60 лет) и, теряя энтузиазм, отдают свои земли в аренду или продают крупным землевладельцам. Данная тенденция ведет к сокращению пространства самозанятости сельского населения. Между тем именно самозанятость в условиях вытеснения сельских жителей из формальных организаций со временем может стать, вероятно, единственным институтом компенсации грозящей опасности подрыва устойчивости жизни в сельских территориях.

Главной особенностью группы успешных хозяев автономного сельского хозяйствования является ее самовозникновение и воспроизвод-

ство. И это придает ей статус самостоятельности и некоторой суверенности, которая ограничивает пределы внешнего вмешательства, даже позитивного. Когда возникает дефицит каких-либо специалистов в различных областях народного хозяйства и социальной сферы, то исправление ситуации довольно просто: нужно создавать новые вузы и колледжи (или открывать дополнительные факультеты в имеющихся учебных заведениях), и через несколько лет нужные кадры появятся. Останется только стимулировать их, чтобы они заполнили незанятые вакансии.

Совсем иначе обстоят дела с формированием группы акторов самозанятости. В их состав нельзя назначить специалиста, а тем более главу фермерского хозяйства. Важнейшим рычагом стратегии для поддержки восходящего развития может стать щадящая налоговая нагрузка. Пока смысл налога на самозанятых связан с фискальными целями. Но, как мы пытались показать, успешные хозяева сельских подворий заслуживают более широкой социальной оценки. Почему бы по отношению к успешным хозяевам подворий, которых можно рассматривать как ядро стабильности сельских сообществ, не оставить налогообложение как с обычных ЛПХ?

И это не частная проблема небольшой доли российских крестьян, выделившихся из однородной безынициативной среды. В глобальном измерении мир стоит перед новыми вызовами, и его будущее, по словам известного экономиста Гжегожа Колодко, окажется в руках крупных корпораций, которые, как и сегодня, будут пытаться ускользнуть из-под влияния государства. Поэтому усилия по регулированию поведения транснациональных корпораций – пространство одной из главных институциональных битв будущего¹⁶. Современная жизненная среда села подавлена экономикой, организуемой крупными корпорациями. Агрохолдинги не только поглощают сельскохозяйственные организации корпоративно-долевых укладов, но и определяют различные ограничения: запрет содержания на подворье отдельных видов животных, сокращение возможности прогона скота, оказывают негативное влияние на технологию сбыта сельскими семьями продукции.

В России группы самозанятых, включая, помимо фермеров, успешные семейные хозяйства, следует оценивать с позиции не только экономической, но и важнейшей социальной, связанной с устойчивостью сельских территорий.

Примечания

¹ См.: Серова Е. Комментарии к статье «Закадри!» // Агробизнес. 2003. № 3. С. 52.

² См.: Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 311.

³ Там же. С. 233, 244.

⁴ См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина [и др.]. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. 588 с.

⁵ См.: Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. 728 с.

⁶ См.: Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. Rural Development: From Practices and Policies Towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40, № 4. P. 391–408. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00156>

⁷ См.: Patnam R. D. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.

⁸ См.: Lowe P. European agricultural and rural development policies for the 21st century // A New Rural Agenda / ed. by J. Midgley. London: IPPR, 2006. P. 29–45.

⁹ См.: Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40, № 1. P. 53–71. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00131>; Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization // Journal of Rural Studies. 1995. № 10. P. 321–330.

¹⁰ См.: О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> (дата обращения: 11.11.2018).

¹¹ См.: Великий П. П., Великая Н. М. Акторы сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 4. С. 201–215. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12>

¹² Более подробное описание методов установления веса ресурсов подворья см.: Великий П. П., Шабанов В. Л. Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских жителей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология: Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 250–256. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

¹³ См.: Великий П. П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 50. <https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0>

¹⁴ Там же. С. 51

¹⁵ См.: Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в Российском обществе: методы и результаты // Прикладная экономика. 2007. № 3. С. 95–118.

¹⁶ См.: Колодко Г. В. Куда идет мир: Политическая экономика будущего / пер. с пол. Ю. Чайникова. М.: Магистр, 2014. С. 152.

Поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 22.02.2022